

Любовь истинная и мнимая в изображении А.П. Чехова

Федосюк М.

Когда известный критик Н.Н. Страхов спросил у Л.Н. Толстого, что тот хотел сказать своим романом «Анна Каренина», писатель ответил так: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, кот[орый] я написал, сначала. <...> Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения» [Толстой 1953: 268-269].

Эти слова дают достаточные основания для вывода о том, что идея художественного произведения представляет собой неявно выраженное или, как принято говорить в лингвистике, имплицитное (от лат. *implicatus* «вплетенный»), содержание этого произведения.

Как имплицитное содержание воспринимается читателем? Чтобы ответить на этот вопрос, удобно воспользоваться примером, который в свое время приводил американский логик Джон Сёрль. Представим себе, писал он, следующий диалог двух студентов: «Х. Давай пойдем в кино вечером. У. Я должен готовиться к экзамену». В ответной реплике студента У нет явно выраженного согласия или несогласия пойти в кино. Однако, зная, что подготовка к экзамену обычно занимает много времени и, как правило, несовместима с развлечениями, студент Х легко выведет из этой реплики имплицитно выраженный отказ пойти в кино [Сёрль 1986: 197-200]. Этот пример хорошо показывает, что имплицитное содержание – это такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из явного, эксплицитного (от лат. *explicitus* «развернутый»), содержания какого-либо элемента речи в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, которая содержится в контексте и ситуации общения [Федосюк 1988].

Имплицитное содержание имеет немало разновидностей. Это и содержание опущенных членов неполных предложений (например, выводимые благодаря контексту смыслы отсутствующих сказуемых предложения Татьяна в лес; медведь за нею), и передаваемая при помощи нестандартных приемов построения текста информация о его экспрессивной окрашенности (так, необычный порядок слов при инверсии или непривычный способ построения предложений при анафоре или эпифоре несут имплицитную информацию о душевном волнении автора), и содержащиеся в тексте свернутые сообщения (к примеру, фраза Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами из пушкинского «Гробовщика» содержит свернутые, т.е. не выраженные при помощи предложений, сообщения о том, что дочерей Адриана Прохорова звали Акулина и Дарья, что на них был европейский наряд, а на Адриане Прохорове – русский кафтан) [Падучева 1985; Федосюк 2012].

В художественном тексте носителями идейного содержания являются импликации, т.е. такие неявно выраженные сообщения, которые логически выводятся получателем из содержания текста или отдельных его компонентов [Арнольд 2010]. Примером импликации может служить имплицитное сообщение «Я не пойду в кино» в приведенном выше диалоге двух студентов.

Разумеется, один и тот же художественный текст способен вызвать неодинаковые представления о его идейном содержании. Характер этих представлений зависит, во-первых,

от жизненного опыта и знаний каждого из читателей; во-вторых, от степени полноты восприятия текста и, наконец, в-третьих, от того, стремятся ли читатели выводить из текста именно те импликации, которые соответствуют замыслу автора.

Тот факт, что характер воспринятого идейного содержания зависит от индивидуальных знаний читателей, свидетельствует о принципиально неизбежной неоднозначности этого содержания. Как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, искусство необходимо для того, чтобы давать людям «возможность пережить непережитое, возможность приобрести опыт там, где нет опыта» [Лотман 2003: 522], и, разумеется, вполне естественно, что из полученного жизненного опыта каждый человек может делать свои собственные выводы.

Продемонстрируем сказанное на примере рассказа А.П. Чехова «Ионыч». Опираясь исключительно на событийное содержание рассказа, читатели могут понять его идею по-разному. Можно воспринять эту идею как мысль о том, что жизнь любого человека под влиянием внешних обстоятельств не всегда складывается благоприятно. Можно – как утверждение, что, оказавшись в чуждом окружении, человек обречен на нравственную деградацию. Можно, наконец, вывести из рассказа мысль о том, что человек неминуемо деградирует, если в нем не заложено стремление к нравственному самосовершенствованию. Что именно хотел сказать этим рассказом Чехов?

Анализируя рассказ «Ионыч», исследователи нередко сопоставляют его с другими произведениями русской литературы. В.Б. Катаев, например, сравнивает неудачную любовь Старцева к Котику с влюбленностью Грибоедовского Чацкого в Софью [Катаев 1998]. С.В. Волков сопоставляет рассказ «Ионыч» с повестью Н.В. Гоголя «Портрет» [Волков 2007]. Но, как представляется, в поисках ответа на вопрос «Любил ли Старцев Котика?» важно сопоставить рассказ «Ионыч» с другим рассказом Чехова – «Дама с собачкой». Эти рассказы объединяет многое: и то, что они были написаны примерно в один и тот же период: «Ионыч» – в 1898 г., а «Дама с собачкой» – год спустя, и то, что центральное место в их сюжетах занимает история любви, и то, что имена главных героев рассказов (в «Ионыче» это Дмитрий Ионыч Старцев, а в «Даме с собачкой» – Дмитрий Дмитриевич Гуров) совпадают, наверное, совсем не случайно, и, наконец, то, что и в том и в другом рассказе есть сцена, где многочисленным заботам и тревогам их персонажей противопоставлена неизменная и вечная гармония природы.

I. Старцев вошел в калитку, и первое, что он увидел, это белые кресты и памятники по обе стороны широкой аллеи и черные тени от них и от тополей; и кругом далеко было видно белое и черное, и сонные деревья склоняли свои ветви над белым. Казалось, что здесь было светлей, чем в поле; листья кленов, похожие на лапы, резко выделялись на желтом песке аллеи и на плитах, и надписи на памятниках были ясны. На первых порах Старцева поразило то, что он видел теперь первый раз в жизни и чего, вероятно, больше уже не случится видеть: мир, не похожий ни на что другое, – мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем. («Ионыч»).

II. В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров

думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве. («Дама с собачкой»).

Сопоставим некоторые фрагменты рассказов «Ионыч» и «Дама с собачкой», чтобы вывести импликации, дающие ответ на вопрос «Любил ли Старцев Котика?».

Вот как описаны первые впечатления Старцева о дочери Туркиных:

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выражение у нее было еще детское и талия тонкая, нежная; и девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне.

А вот ощущения Старцева во время игры Котика на рояле: После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново...

Обратим внимание на детали описания. Как видим, первые впечатления – это просто интерес мужчины к молодой женщине.

Примерно такие же чувства испытывает и Гуров в начале знакомства с Анной Сергеевной: «Если она здесь без мужа и без знакомых, – соображал Гуров, – то было бы не лишнее познакомиться с ней». <...> В рассказах о нечистоте местных нравов много неправды, он презирал их и знал, что такие рассказы в большинстве сочиняются людьми, которые сами бы охотно грешили, если б умели; но, когда дама села за соседний стол в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им.

Вернемся к Старцеву. Больше года он не бывает у Туркиных, но потом начинает ездить к ним часто, ради того, чтобы увидеться с Котиком: Она восхищала своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он увидел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по летам. С ней он мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезного разговора, случалось, она вдруг некстати начинала смеяться или убегала в дом.

А вот описание напрасного ожидания встречи с Котиком на кладбище: Никого не было. Да и кто пойдет сюда в полночь? Но Старцев ждал, и, точно лунный свет подогревал в нем страсть, ждал страстно и рисовал в воображении поцелуи, объятия. Он посидел около памятника с полчаса, потом прошелся по боковым аллеям, со шляпой в руке, поджидая и думая о том, сколько здесь, в этих могилах, зарыто женщин и девушек, которые были красивы, очаровательны, которые любили, сгорали по ночам страстью, отдаваясь ласке. Как, в сущности, нехорошо шутит над человеком мать-природа, как обидно сознавать это! Старцев думал так, и в то же время ему хотелось кричать, что он хочет, что он ждет любви во что бы то ни стало; перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным...

Читая эти строки, внимательный читатель легко поймет, что ощущения Старцева – совсем не любовь к Котику, а всего лишь ожидание, желание любви.

Решая сделать Котику предложение, Старцев размышляет: «А приданого они дадут, должно быть, немало», – думал Старцев, рассеянно слушая.

После бессонной ночи он находился в состоянии ошеломления, точно его опоили чем-то сладким и усыпляющим; на душе было туманно, но радостно, тепло, и в то же время в голове какой-то холодный, тяжелый кусочек рассуждал:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач.»

«Ну что ж? – думал он. – И пусть».

«К тому же, если ты женишься на ней, – продолжал кусочек, – то ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе».

«Ну что ж? – думал он. – В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...»

Как видим, и эта сцена совсем не говорит о настоящей любви героя. Наконец он находит момент, чтобы объясниться Котику в любви:

Одетый в чужой фрак и белый жесткий галстук, который как-то все топорщился и хотел сползти с воротничка, он в полночь сидел в клубе в гостиной и говорил Екатерине Ивановне с увлечением:

– О, как мало знают те, которые никогда не любили! Мне кажется, никто еще не описал верно любви, и едва ли можно описать это нежное, радостное, мучительное чувство, и кто испытал его хоть раз, тот не станет передавать его на словах. К чему предисловия, описания? К чему ненужное красноречие? Любовь моя безгранична. Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – будьте моей женой!

Отмечая очевидную банальность слов Старцева, В.Б. Катаев пишет: «Это, конечно, не объяснение Ромео Джульетте, но разве все влюбленные бывают красноречивы, как шекспировские герои? Не чаще ли происходит обыкновенное признание обыкновенного человека, на которое со стороны, наверное, забавно смотреть? На Дмитриии в этот момент фрак с чужого плеча, и речи его не особенно складны, но он искренне увлечен и взволнован» [Катаев 1998: 17-18].

С этими рассуждениями трудно согласиться. Ведь если бы Чехову было неважно, что именно говорил Старцев девушке, он мог бы просто сообщить читателям, что Старцев попросил Котика стать его женой, а затем подробно передать ответные слова Котика. Представляется, что банальность объяснения Старцева показана Чеховым совсем не случайно: его слова удивительным образом созвучны банальным строкам из романа Веры Иосифовны о том, как крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге. Старцев – очевидно, хочет сказать Чехов, – как и Туркины, живет не разумом и не чувствами, а готовыми стереотипами.

Что ощущает Старцев после отказа Котика?

У Старцева перестало беспокойно биться сердце. Выйдя из клуба на улицу, он прежде всего сорвал с себя жесткий галстук и вздохнул всей грудью. Ему было немножко стыдно, и самолюбие его было оскорблено, – он не ожидал отказа, – и не верилось, что все его мечты, томления и надежды привели его к такому глупенькому концу, точно в маленькой пьесе на любительском спектакле. И жаль было своего чувства, этой своей любви, так жаль, что, кажется, взял бы и за рыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона.

Как видим, ощущения Старцева – это не печаль из-за утраты любимой женщины, а стыд, оскорбленное самолюбие и жалость к себе и к своему утраченному чувству.

Но и это, как показывает последующий текст, ненадолго:

Дня три у него дело валилось из рук, он не ел, не спал, но когда до него дошел слух, что Екатерина Ивановна уехала в Москву поступать в консерваторию, он успокоился и зажил по-прежнему.

Совсем иное состояние испытывает герой «Дамы с собачкой» Гуров во время разлуки с Анной Сергеевной. Его простое курортное увлечение, похоже, переросло в большую, настоящую любовь.

Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти всё: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался, и

потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет. Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкапа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее.

Если в «Даме с собачкой» описано неожиданное пробуждение любви истинной, то в «Ионыче» показана любовь мнимая, ошибочно принятое за любовь желание любви.

Но означает ли это, что причина нравственной деградации Ионыча – это несчастливые обстоятельства его жизни или чуждое окружение? Наиболее полный ответ на этот вопрос можно вывести из 4-й главки, где рассказывается, как протекала жизнь Ионыча через четыре года после отъезда Котика:

Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво и спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?» А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить.

Разве удивительно, что жители города С. не знают, как поддержать разговор, когда Старцев говорит им, что человечество со временем будет обходиться без паспортов и что без труда жить нельзя? Ведь это такие же общие места, как «Мороз крепчал» в романе Веры Иосифовны, как избитые слова в любовном объяснении Старцева и как фраза Котика «Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели, а семейная жизнь связала бы меня навеки». И можно ли воспринять произнесенные без всякого повода слова «Нужно трудиться» иначе, чем как скрытый упрек собеседнику?

Подведем итоги. Очевидно, что, если читатель будет следить не только за событийным содержанием рассказа «Ионыч», но и за тем, как это содержание передается читателю, он поймет, что, по мысли Чехова, на нравственную деградацию обречен не тот человек, который оказывает ся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах или в чуждом окружении, а тот, кто, если воспользоваться словами из «Дамы с собачкой», забывает «о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве».